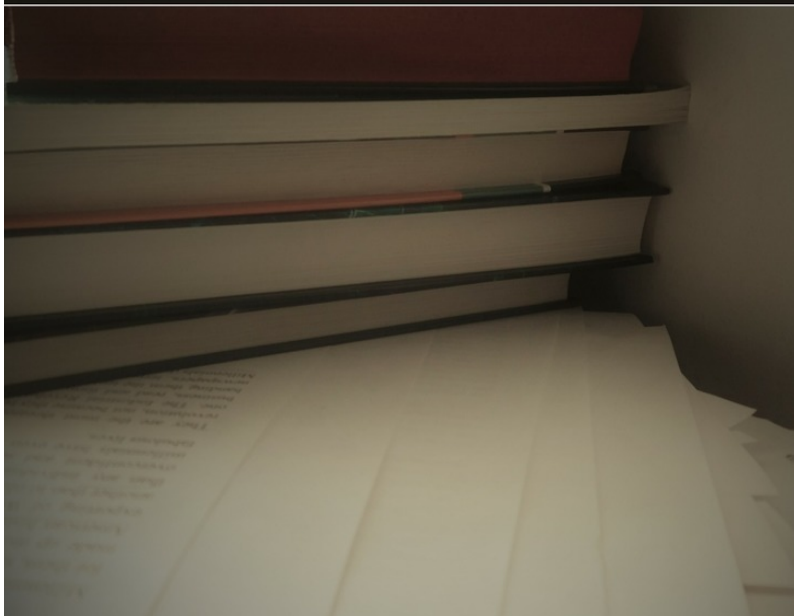

Татьяна Сапарская

*Москва,
любовь моя*

Татьяна Сапарская

Москва, любовь моя

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23100712

ISBN 9785448380167

Аннотация

Единое государство будущего: библиотеки, парады, подпольные организации. Москва: жизнь Z., специалиста по обновлению языка, переворачивается с ног на голову благодаря встрече с А. и остальными «аборигенами», которые стремятся вернуть красоту мира и борются за право иметь собственную культуру. Но неужели в борьбе хороши все средства? Что будет делать Z.? Внимание: книга написана на русском, английском и немецком языках.

Содержание

Chapter 1. No reply	5
1	5
2	10
3	17
4	22
5	25
6	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Москва, любовь моя

Татьяна Сапарская

© Татьяна Сапарская, 2017

ISBN 978-5-4483-8016-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Chapter 1. No reply

1

Дождь шёл с утра, но никто не жаловался. Когда вы заняты работой, вам не до подобных пустяков.

Безлюдное здание библиотеки никогда не наводило на меня скуку и тем более страх. Скажу честно, мне оно нравилось больше в поздние часы, когда остальные специалисты по обновлению языка расходились по домам и один только старик Юнгер прощался со мной едва заметным движением головы – посторонний мог бы расценить это как угрюмость или грубость, но если в чём моя усталая от слов голова и нуждалась, так это в безмолвном понимании кого-нибудь, хотя бы сторожа.

Коридоры, и окна, и запутанность книжных полок, и электрический свет, сопровождающий нас и в ранние часы, всегда обретали особое очарование под конец дня. Измотанность ли тому причиной или изломанность моего восприятия, но мне почти легче дышалось, когда было точно известно, что за соседней стеной никого нет. Строгость контроля и секретные сведения, хранившиеся в библиотеке, добавляли торжественности. Работники, как правило, не контактировали друг с другом и знали лишь имена, хотя случались

и исключения – не стоит далеко ходить за примером, так как я могу похвастаться общением с господином Кауфманом, одним из самых замечательных и неутомимых мастеров своего дела.

Не преувеличивая, однако, скажу, что дружбой в старом российском смысле слова это назвать нельзя: мы не обсуждали работу, политику, личные взгляды, смысл жизни или развлечения, и вообще трудно сформулировать, о чём мы говорили. По утрам я захожу к нему домой и помогаю одеться и сесть в кресло. Благодаря умному устройству Кауфман в состоянии передвигаться быстро и не чувствовать себя неполноценным или ограниченным, но кто-то должен поддерживать его, пока он выбирается из кровати и терпеливо приспосабливается к новому дню в прежнем теле. В такие моменты на его лице читается лёгкая досада, хотя в остальном он весьма сдержанный человек, и немногие знают, насколько он властен и нетерпелив к слабости.

Мы живём на разных этажах. Я доставляю его в библиотеку к девяти. Церемония стала настолько привычной, что не возникает вопроса, почему он не хочет нанять утреннюю сиделку. Покидает библиотеку самостоятельно, и я не волнуясь, зная, что верный медработник ждёт его у входа, чтобы доставить домой.

Когда все расходятся, я остаюсь в своём кабинете в течение трёх-четырёх часов. Намеренно оставляю самую кропотливую работу на это время, чтобы погрузиться в осо-

бое состояние торжественного величия, когда чужие слова и обороты буквально обретают вкус и слоями ложатся на гладь нашего языка. Новые средства должны не только органично вписываться в мелодию речи, но также выделяться на фоне остальных средств, чтобы продемонстрировать уважение к новопринятым из других народов. Я работаю с русским языком, Кауфман – с немецким, и тысячи специалистов в разных уголках нашего государства трудятся над адаптацией культурного и языкового наследия народов, чьи племена либо их осколки остаются за пределами развитого мира и только-только начинают желанное объединение с цивилизацией. Забавно, что мне приходится говорить о вопросах будущего и политики с помощью старых средств вроде «русский язык» или «немецкий язык», словно они и по сей день изолированы друг от друга и от достижений мирового масштаба. Привычка специалиста, должно быть.

Я не успеваю заметить, когда закончился ливень. Возможно, недавно: дорога блестит в свете нескольких фонарей. Мне пора, нужно успеть заглянуть на почту и получить письма и посылки с непримечательной пометкой «До востребования», которые на самом деле могут содержать информацию, не предназначенную для чужих глаз: редкие словари, образцы лингвистического анализа и даже аудиозаписи. Я догадываюсь, что слышу голоса давно уже мёртвых людей, но никогда не интересуюсь источником происхождения – так не принято, да и что я могу изменить? А личных писем мне

не пишут.

Почта работает круглые сутки. Это весьма удобно, и трудности напоподобие меня могут прийти сюда в удобное время. Как работник библиотеки я могу получить любые услуги вне очереди, но в обычной жизни никогда так не делаю, не желая привлекать ненужного внимания.

Грязь хлюпает под ногами, липнет к подошвам, перемешивается с вялыми листьями. Снова холодно, и пар изо рта редких прохожих напоминает о странных временах курения. Подходя к зданию почты, я вижу в голубых окнах, что никого нет, однако, войдя, замечаю свою ошибку. Фигура в сером плаще и чёрной шляпе у стены стоит практически неподвижно, пока работница с усталым лицом что-то пишет и, часто моргая, сверяет цифры в документах. Фигура красива: прямая осанка, ладно сидящая одежда, чёрный зонтичок, обувь без единого пятнышка грязи (стыдливо смотрю на свои ботинки).

Женщина в соседнем окне равнодушно ищет для меня письма и ничем не показывает, что ей хочется провести последние часы смены в покое, а не обслуживать кого-то вроде меня, чьи бумаги требуют особой точности оформления. Краем глаза замечаю, что фигура слегка качнулась в мою сторону и как будто наблюдает за мной, не поворачивая головы и ничем не выдавая своего интереса, кроме, пожалуй, ощущения вторжения, которое не объяснить рационально. Я не могу предоставить никаких доказательств. По-

чему за мной следят?

«Ten thousand.»

Я действительно это слышу? Работница тоже не верит и вопросительно смотрит. Чёрная шляпа повторяет сумму, и женщина не имеет оснований отказать. Удивительно, откуда такие деньги...

Разложив на пластмассовом столе письма, сортирую их в порядке важности. Ничего нового, несколько счетов и ответ на мой запрос трёхнедельной давности касательно связи между западнославянским корнем и современной формой в разговорной речи москвичей. Моя гипотеза оказалась ложной, но я не так расстраиваюсь по этому поводу, как можно было ожидать, ибо моё внимание всё ещё притягивает фигура. Несколько нагло пересчитывает деньги – я слышу, как бумажные купюры шуршат, как подарочная упаковка.

Мне больше нечего здесь делать.

2

У самого выхода кто-то задевает моё плечо: та самая фигура. От бывлой неподвижности ни следа, и я на секунду удивляюсь и даже роняю портфель.

«I'm sorry, oh, I'm so sorry.»

Придётся смывать грязь дома и следить, чтобы моё пальто не испачкалось.

«Don't mention it.»

«I'm so clumsy. Your briefcase...»

«No problem, really. That's all right.»

«Is it all right when someone runs against you?»

Мне не нравится происходящее, и я хочу поскорее уйти. Пауза в разговоре становится ещё более неловкой, чем удар.

«My name is A.,» говорит фигура. «A language renewal specialist at the Brandenburg center, the German language, at your service.»

Не верю своим ушам. Однако теперь мне придётся представиться в ответ.

«Z. A language renewal specialist, the Moscow center. Russian.»

«You must be joking!»

Лицо А. светлеет, и я обнаруживаю, что мы идём в одну сторону.

«What a coincidence! I've been redeployed here because you

have a good library and sources... I've studied everything we have. Do you mind if I smoke?»

Не дожидаясь моего ответа, А. достаёт белую сигарету. Едкий запах вмиг окутывает нас, словно силовое поле.

«I don't think I will be of great help,» говорю я, стараясь не дышать. «You should meet Kaufman; he is one of our best German specialists.»

«Oh, I think I will talk to him anyway.» В голосе А. напевность. «Would you like to go the pub nearby?»

Может быть, не стоило идти в подобное заведение. А. выбирает столик, сажает меня и устраивается слева. Станный выбор: в дешёвом трактирчике А. заказывает самый дорогой ужин и бутылку русского вина – без моего ведома, о чём, разумеется, жалеет спустя несколько минут, но всё же просит перевести название. Официант принимает второй заказ, и почти сразу же нам приносят виски. А. говорит, что нет необходимости ограничивать себя в средствах, так как все расходы оплачиваются центром, и можно расслабиться, тем более что завтра праздник. Непривычно. Я по-прежнему на чеку, но под действием тепла, музыки, еды и напитка немного расслабляюсь.

«So, what are your recent work achievements, dearest?»

«In fact, I've received a letter... My hypothesis is rejected. It's a little bit sad. Discouraging.»

А. вдруг выпрямляется и смотрит мне прямо в глаза.

«To tell you the truth, you didn't look disappointed.»

«You watched me?»

А. мягко смеётся.

«Of course I did. Birds of a feather... Only a blind person won't notice you are different.»

«What?»

«It's hard to explain, for real. It just seems you are different. Is that your literature that made you?»

«What are you talking about?»

«Oh, no, you were born different.»

«What are you —»

«I bet you think in Russian, don't you?»

Как об этом можно было узнать?

«Oh, you do. I need no other proof; your eyes tell everything.»

Почему я позволяю так с собой разговаривать? Неужели это проверка меня, и руководство пытается выяснить степень моей благонадёжности?

«Why do you work in the library?»

«I... don't know.»

«But you like your work, don't you?»

«I guess I do.»

«What exactly?»

А. словно препарирует меня и моё прошлое.

«There's a part of me in my work.»

«Is it your immortality?»

«It is.»

«I'm just like you. I began as a scientist, but my people's

culture mesmerized me, and I crossed the line. I'm in the German language and books, and there's no way back. I'm lost as a citizen; I'm one of the natives...»

Вот что меня тревожило. Завалуированная дикость, способность втереться в доверие, усыпить бдительность, парализовать волю и вести тебя в направлении гибели – почему меня так легко это победило? Аборигены – необузданные дикари, обитавшие за пределами цивилизации, и мы все упорно трудились, чтобы как можно скорее вернуть их, подарить им настоящее, показать им все те преимущества культурной, упорядоченной жизни, не забывая об их интересах. В конце концов, я и остальные специалисты по обновлению языка зорко следили за тем, чтобы некоторые черты каждого из диких языков вошли в общепринятый, позволяя тем самым каждому новому гражданину адаптироваться и чувствовать себя важным.

Но что же это значит? А. может в любое время наброситься на людей, сидящих за столиками? А. может убить сотрудников библиотеки? А. может воспользоваться положением, сорвать завтрашний праздник и совершить террористический акт? Моя голова закружилась, и стены зала поплыли.

«I mean no harm to any of you,» говорит А. «Pull yourself together.»

С трудом мне удаётся спрятать мысли и сесть прямо.

«I just want to know who I am. I need a breath of literature,

artworks, all remnants of the past my ancestors had since I devoured everything I could there, *at home*, and they had nothing else. My interest could be explained from the scientific point of view, so I had to become a specialist. I only need the heritage of the mighty because it will be too long till some future poet's lines or a picture of an artist of the next generation; my life will not last that long. Do you get it?»

Крики и перебранка за соседним столиком заставили А. на минуту умолкнуть, и моё внимание также переключилось на происходящее. Низкорослый мужичок в полосатом бил кулаком по столу, и часть фишек для покера отбросило в сторону. Остальные ухмылялись.

«I – will – not – tolerate – e-e-et! Cheaters! Sharks!»

«Hey, man, c'mon, you frightenin' people aroun», говорил его худощавый длинный товарищ, очевидно, удачно обманувший беднягу. Одна из кружек недопитого пива находилась в опасной близости от края стола.

«Peeeeople?! I will show you peeeople!» Его глаза налились кровью. Подбежавший молодой официант не знал, что делать.

«Er – gentlemen – will you calm down —»

«I will show you geeeeentlemen!»

Кружка всё-таки упала, когда обманутый со всего размаха ударил официанта. Волна голосов тотчас наполнила помещение. Улюлюканье, свист, топот смешались с глухими ударами. Кажется, молодому человеку разбили нос. Возможно,

он был также ранен осколками и громко мычал. Меж тем мужичок с неожиданным проворством оказался рядом с долговязым и, несмотря на воздействие алкоголя, в мгновение ока разбил ему губу.

От меня ускользнул момент, когда А. не оказалось за столиком. Я не понимаю, что случилось. Представьте, что вы, в панике окинув взглядом пространство, вдруг видите кого-то в эпицентре событий, и уже поздно что-то делать. Ноги прирастают к полу, и руки становятся пластмассовыми, и вы можете только наблюдать, словно в кинотеатре.

Получив несколько обидных ударов, А. не отступает. Что ты делаешь, о безумие! Я вижу дикость в этих глазах – да, действительно, дикость дикарей, это родная стихия. Почему... На помощь бегут несколько мужчин покрепче, вероятно, повара, и помогают А. разнять драку. Всё кончается так же быстро, как началось, и мне не верится, что мы снова в покое.

«Did they punch you?» зачем-то спрашиваю я.

«A couple of hits won't drive me to the grave, dearest,» смеётся А.

«It's not a laughing matter.»

«Do you still think that *I* am a savage?»

«I think you read minds pretty well.»

«Is it supposed to be a compliment?»

«I don't wanna talk about it. Let's just get outta here.»

«As you wish. Where would you like to go?»

Я не знаю, куда идти. Нет такого места, где мне хотелось бы остаться.

«Will you show me your library?»

3

«The library is closed, you know, and tomorrow —»

«No, I mean your personal library.»

«Are you fishing for an invitation?»

«If you are clever enough to get it, why don't you invite me at once?»

«Why do you want to see my library?»

«I want to understand who you are.»

В моём доме действительно много книг. Часть из них была куплена на мои собственные средства, пусть мне и приходилось жертвовать комфортом в первое время, когда моя работа в библиотеке только началась. Кое-какие книги – подарок за отличную службу. Некоторые были в буквальном смысле оставлены на пороге, как котята или младенцы. Пожалуй, в этом есть часть страха того, что меня забудут – но я останусь в моих книгах.

Я не люблю свой дом и не могу сказать, что испытываю к нему привязанность, однако в противовес глухому уединению библиотеки, внимательный наблюдатель, как космонавт, обнаружит здесь следы жизни: гудение лифта, тлеющие лампы в окнах, рычание собак, которых выгуливает кто-то (все кто-то похожи, в капюшонах и старых кедах). Редко найдётся подобное место, сочетающее в себе удачное расположение практически в центре Москвы, качество конструкции, отоп-

ления и прочих удобств, а также тишину и приватность.

Насколько мне известно, здесь живут подобные мне документные черви, занимающиеся бумажно-интеллектуальной работой и добавляющие к армии чиновников несколько сот варёных душ. Они никогда не станут включать телеэкран на полную мощность, что, поговаривают, является обычным положением вещей на окраинах, или выяснять отношения на балконе. Это почти кукольный дом, чьи прозрачные обитатели не всегда закрывают глаза, ложась спать, и вы даже можете усомниться на миг, что они существуют.

Я говорю обо всём этом А. По ночам в центре города не страшно. По ночам в Москве гуляют молодые люди и иногда поют песни, но на полицию можно положиться. За последнее время количество ограблений и нападений снизилось, о чём сообщили в газетах. А. уже не курит и смотрит сквозь темноту и огни.

«He is lonely.»

«I don't understand you.»

«That man who got into the fight, he's so lonely and desperate.»

«Why?»

«Oh, it's obvious. Is your society as perfect as you believe, with such weirdos who lose control because of a couple of coins?»

Мне нечего сказать в ответ, и я нападаю.

«Had they known their roots, languages, whatever, would they

have been happier?»

«That's a good question, dearest. Probably they wouldn't. I can only speak for myself. Do you like Russian?»

Вопрос ставит меня в тупик. Мы идём по мосту.

«I – I don't know.»

«Do you know what love means?»

«Stop talking to me like that!»

«If you love a language, you feel like it can translate you into sounds and letters. You enjoy the taste. It does not imply it must be your native one. Just any of them, even the one you don't speak now.»

«Did it happen to you?»

«Ja. Before I learned German, I had heard it, I can say, degusted, and I fell in love with it precisely at that moment.»

«Where did you hear it?»

«It was my mother's birthday. Some guests were fond of poetry, and —»

Останавливается.

Wähtest du etwa,
Ich sollte das Leben hassen,
In Wüsten fliehen,
Weil nicht alle
Blütenträume reiften?

«What is this poem about?»

«The greatness of the world. The never-ending search against

gods.»

Посчитает ли А. моё молчание оскорбительным?

«There is one more I would like to recite.»

«Right now?»

Laß rinnen der Tränen
Vergeblichen Lauf,
Es wecke die Klage
Den Toten nicht auf...

Тёмная фигура, случайно замеченная мной в одном из переулков, не мираж и не плод союза паранойи и воображения. Что-то отличало её от остальных немногочисленных прохожих, хотя она двигалась в том же темпе, и та же одежда была на ней, как на нас, и она так же дула на руки в попытках согреться. Кажется, сегодня вечером спокойствия не дожидаться. Как некстати звучали стихи А. – достаточно громко, чтобы их можно было услышать в заледенелом безмолвии и прийти к недвусмысленному выводу. Мой шёпот бессилён.

«Stop it.»

Das süßeste Glück...

«Please, stop right now.»

Für die traurende Brust...

«We are being watched, keep silent!»

Nach der schönen Liebe...

Мне нечего делать. Я целую А. Фигура сливается с мра-
КОМ.

4

В моих снах нет места антиутопиям. Здесь нет ни высоких гор, ни морских впадин, и здесь не поют птицы. Моё счастье заключено где-то между книжных страниц, между библиотечной печатью и пальцами читателя, среди пыли, среди потрепанных умами обложек и костров из выпавших страниц.

Останешься ли ты со мной здесь, в Москве?

Кто не видел всего, тот не может утверждать, и всё же мир наполнен словами, предрассудками, толкованиями, слухами, откровениями, несвоевременными мыслями и жалобами. Кто не умирал в госпитале, кто не скрывал собственное тело в кольчуге военной медсестры, кто не падал от усталости после операции, тот не может оценить последствий россыпи войн. Так можно выучиться ненавидеть, отрастить когти и пуститься творить справедливость, умывая мир щёлочью, прокалывая солнце и небесные тела, выпуская из них пар, чтобы всем было темно и холодно. Самолёты собьются с курса, и птицы не долетят в тёплые края – кого из них тебе будет жаль, darling?

Выиграв у судьбы день в суде, ты обнаружишь, что по странному стечению обстоятельств где-то сокращается количество ударов в минуту, а где-то город украдкой вступает в сговор с людьми в чёрных пиджаках. Ты не узнаешь их: они будут недоверчивы, мнительны, пассивно-послуш-

ны, ядовиты и мелочны, и ты спрячешься в душевой кабине, пытаясь кипятком смыть с себя эту грязь, от которой так легко было отвыкнуть.

Здесь нет грязи, и воздух наполняет пространство. Здесь ты крикнешь, чтобы дождаться ответа эха, но не дождёшься. На площади Мира ночь, и с кем-то ты будешь жить в ночи, пока не воссияет средневековая казнь.

Здесь нет грязи, и мне снова будет стыдно заходить в своих ботинках.

Стучит.

Меня насквозь прошивают салюты, я распадаюсь на куски вещества, чтобы разлететься по всему пространству и отыскать. Я помню, каково это – ощущать, что твои руки дрожат, ощущать спазм в горле, когда невозможно вздохнуть, но всё это ничто по сравнению с бамбуковыми строчками. Они растут так быстро, что я не успеваю умереть. Они растут так быстро, что я не успеваю осознать и взглянуть на себя со стороны, и я знаю, чем хочу стать в будущем – камнем, который проломит чей-то висок.

Я не умею читать. Ты перебираешь мои книги, как внутренности, и цепляешь наугад одну – сердце. У неё призрачная обложка и невидимая бумага, у неё самая неблагодарная на свете работа – транслировать ненависть и боль мира, сожжённого не один раз. Сколько раз на линии я желаю говорить, и мои губы зашивает ветер, и мои пальцы коченеют, а то и вовсе подчиняются каким-то посторонним командам

(может быть, я андроид, на котором кто-то ставит эксперимент?). А иногда мне кажется, что приходишь ты.

Останешься ли ты со мной в Москве?

Я знаю всё. Я ничего не знаю. Я изучаю историю по музеям и только воображаю.

Тебе приходится плести паутину вокруг моего тела. Если будешь слушать всех подряд, в ней так и останутся дыры, и добыча сорвётся. Поэтому я плету сеть с другой стороны, чтобы не сорваться потом. Да пребудет с тобой снисхождение к слепым, ибо не видят пути они, подобно тебе, и нет в их руках фонаря, и к тебе одному они могли бы взывать, не будь горды и слепы.

«I have too much time. I have nothing to do with my life.»

А. говорит, что хочет посмотреть завтрашний праздник.

«Will you meet me at the parade tomorrow?»

Я обещаю прийти. Кто ворвётся на сцену?

Я действительно вижу связку снов и не могу поначалу вспомнить, затем узнаю женщину, красная помада на её губах, и я целую её, пока есть силы. Это моя первая любовь, давно позабытая, давно погибшая в темноте тюрем. Она приходит ко мне и уходит, моё славное горькое прошлое. Я вижу кого-то доброго и сильного, с тёмно-голубыми улыбающимися глазами, и он никому не позволит меня обидеть. Сны – дело прошлого, отрезаны от настоящего и бесполезны. Вспоминаю что-то важное: у меня есть сегодня. Ищу присутствие А. во сне, кажется, пытаюсь кричать – и не нахожу, не нахожу, и умоляю кого-то о встрече во сне.

Мутный рассвет катится по небу. Первые секунды незнания после пробуждения подобны счастью, но сегодня праздник, и я чувствую, что произойдёт нечто. Я флюгер.

Кауфман выглядит довольным. Пока я ему помогаю, он насвистывает попеременно гимн и какую-то старинную народную мелодию, ставшую недавно популярной. На стене несколько портретов вождей, и каждый из них следит за нашими деяниями.

«Z., did you sleep well?»

«Thank you, Kaufman, I did.»

«Good sleep is good. We'll need a lot of strength today.»

«Is there something wrong?»

«Who knows. The natives, you know.»

«Are they planning aggression?»

«You can't expect them to be so kind and postpone it because the people are celebrating.»

«Can I be of any help?»

«Don't worry, my friend. Just watch and enjoy yourself.»

Я думаю об А. Мой долг – сообщить обо всём, что случилось, но я не знаю, сделает ли А. что-то... Не хочу ломать мечту, не хочу ломать порядок. Не хочу думать.

«Du bist verloren.»

Кауфман в праздничном костюме выглядит помолодевшим. Он долго смотрит на себя в зеркало, приглаживая непослушные пряди, складывает в портфель какие-то документы и зовёт меня.

«Z., come here. What can you see?»

Мы смотрим в одно зеркало.

«You and me.»

«Who do you think we are?»

По моей спине без видимых причин пробежал мороз.

«What do you want me to say?»

«Have a look at those people and us. They have no idea how they think and exist, and their minds are only the colorless plasticine because we shape them. Do you like it?»

«I've never thought about it.»

Где правильный ответ?

«We, the poor sculptors, are not similar. We are all predators,

though.»

«Why?»

«We'll talk about it next time, or we gonna be late.»

На площади уже собралось столько людей, что водителю приходилось сигналить практически без остановки. Серые облака с рваными краями проплывали так низко и быстро, что пространство, кажется, отображало всевозможные оттенки мыслей. На их фоне цветные плакаты и изредка встречавшиеся яркие шляпы смотрелись весьма жалко.

Мы прибыли в полдень без четверти. Кауфман сказал, что ему нужно по делам, и мне пришлось остаться в одиночестве, хотя неподалёку стояли мои коллеги, что-то обсуждавшие вполголоса. Мне не хотелось вступать в разговор. Мы договорились встретиться с А. здесь, поскольку новому сотруднику также нашлось бы место в наших рядах. Серое пальто отличалось бы от наших, чёрных, но только на один день, пока А. не получит новую форму.

Десять минут, девять, пять. Скоро начнётся предсказуемый порядок, подобный чтению знакомой книги. Когда-то эту площадь называли Красной, когда-то эти камни видели худшие и, возможно, лучшие времена, судить не берусь. Лидер Единой партии появится в автомобиле, словно вождь прежних времён, но на самом деле всё по-другому.

«You've been waiting so long,» слегка запыхавшись, говорит А.

«Welcome. You look worried.»

«Actually, I am. I've never seen a parade and any high-ranked person. I'd really like to see them.»

Зачем так говорить? Здесь что-то нечисто.

«To see all these people, patriots, the best citizens of the country, the upper crust...»

«What time is it?»

«It's time.»

Ничего не происходит. Воздух тяжелеет от тишины, и волна ропота зарождается где-то вдали.

«What's going on?»

Специалисты молча переминаются с ноги на ногу. Мне кажется, что я слышу крики вдали, а затем раздаётся громкий взрыв.

А. падает на землю, мне удаётся устоять на ногах. Ценой слуха, осязания, движения моё зрение предельно обостряется на несколько секунд, и я вижу ярко-оранжевые полосы пламени и ужас в глазах толпы. Все, как один, через пару секунд прикрывают голову руками, сутулятся, не выпрямляют колени и стараются быть ближе к поверхности, словно умоляя мать-землю и древние силы о защите. Я ухмыляюсь: кто-то будет писать диссертацию на тему «Фольклор как способ восприятия в чрезвычайной ситуации». Но теперь нет времени. Беру А. за руку, пытаюсь прикрыть своим телом, и бегу, прежде чем обезумевшая толпа настигнет нас. А. послушно следует за мной, слегка припадая на левую ногу. Надеюсь, обошлось без травм. Нам нужно укрыться в библиотеке.

Центральные улицы наполняются людьми в геометрической прогрессии. Их лица искривлены, черны, красны, и кажется, что их так много, словно у одного тела два или три лица. Вряд ли скорая помощь сможет проехать быстро – ещё до начала всего было почти невозможно добраться, и сейчас они просто будут попадать под колёса. Нельзя только терять А. Мы пытаемся добраться до стены ближайшего здания, но не мы одни так умны, и приходится ждать, пока освободится путь до какого-нибудь переуллка. На секунду замечаю губы А. – дуга, чёрная земля на ней – и не могу посмотреть в глаза. Нет, нет. Вот и проход.

Я могу добраться до библиотеки с закрытыми глазами. Выбираю самый безопасный, как мне кажется, путь, хотя и не самый короткий, и веду А., цепляясь за кирпичные стены, сталкивая на ходу мусорные баки и обходя прохожих. Разумеется, ни одного знакомого, но сейчас это неважно. Мы подходим к главному входу, и я шарю в кармане в поисках пропуска, без которого нам не попасть внутрь. А. вдруг с силой хватает меня и ведёт в обратном направлении.

«We won't enter here,» говорит А. безвыразительно.

«What are you doing?!»

«You don't have your ID,» говорит А., не меняясь в лице.

«We'll go to the back entrance.»

Меня не удивляет, что А. с лёгкостью взламывает замок. Долгожданная темнота не приносит ни тишины, ни покоя. Мои лёгкие нафаршированы горящим торфом.

«You – stole – my ID.»

А. не двигается.

«How – dare – you.»

А. закрывает дверь и жестом призывает меня идти дальше. Я закрываю глаза на несколько секунд и иду.

«You can judge me, you can call the police or come and defend your government with a gun,» торжественно объявляет А. «You can kill me with a pencil that you use every day, or you can just say me goodbye, but it won't change a thing. I am not a scientist; I am one of the natives whom you call „terrorists“ and „scums“, and I am perhaps just what you describe. I didn't lie, though, when I told you about the poetry and the language. I do love my lost country and everything it produced, and I cherish every sound of German, as much as I hate every single tune of the common language. It's so awkward that I can only say it to you this way, but otherwise, you won't understand me. You probably will not by all means, but at least I can try.»

А. нужно перевести дух. Я наливаю стакан воды и ставлю на стол.

«It was kind of you.»

А. берёт сигарету.

«You will burn the books.»

«I won't.»

«I could see from the very first moment you were different. I saw your picture and I thought I could manage and ask for your assistance, but we had too little time. They prepared me, and I had every opportunity available: money, transport, identities, but we had to be careful. My mission was to use you and get the plan of the parade, and I knew you and other specialists had it in your cabinets. The library workers and other clerks always have such stuff. I was to steal your ID, enter the library – it was yesterday, I had to leave you although I didn't want to – and I got the plan. I'm not a big wig, really. My comrades got the job done. What a wonderful spectacular!...»

Так оно и бывает.

«You were supposed to fight by our side. I should have recruited you, can you imagine?»

«I wanted you to stay with me in Moscow.»

«I won't. I won't.»

«I just wanted...»

«Come with me. Join us. We hide at one of the pubs not far from here. They will welcome you, they will listen to me and believe you.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.